
ОБ ЭЛЕМЕНТАХ БИОГРАФИЧЕСКОГО МИФА Ю. ДОМБРОВСКОГО

Ж.А. Баянбаева

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
Проспект аль-Фараби, 71, Алматы, Казахстан, 050040

Статья посвящена проблемам изучения биографического мифа Ю.О. Домбровского. В статье указываются источники биографического мифа. Исследуются биографические подтексты произведений русских писателей, анализируется проблема культурной самоидентификации Ю. Домбровского, основанной на осознании им своей культурно-генетической принадлежности. В качестве доказательной базы приведены утверждения Ю. Домбровского о своем цыганском происхождении. В статье цыганский мотив рассматривается как один из константных в русской литературе. Делается вывод, что концепт «цыган» в русской литературной традиции — это образ архетипический; заложенные в нем импликатуры способны сообщить о писателе концептуально важные сведения.

Ключевые слова: локальный текст, мифологема, биография, биографический миф, легенда, модификация, концепт «цыган»

Введение

Локальный текст — феномен не рутинного, а креативного порядка, если прибегнуть в данном случае к типологии В.И. Карасика [1. С. 15]. Креативный текст всегда нацелен на воспринимающее сознание адресата, на творческую кооперацию с ним. В результате при дешифровке сообщения будут возникать как конвенциональные, так и имплицитные смыслы. Художественная литература в наибольшей степени отвечает требованиям, предъявляемым к креативному общению, и начинается это общение, как правило, с личности самого автора (адресанта). Нередко биография писателя подвергается креативной модификации. Запускается процесс ее семиотического «наполнения», в результате чего возникает биографический миф, призванный обозначить читателю не просто жизненную траекторию автора, но и его сверхзадачу в литературе.

Понятие биографического мифа

Биографические мифы (или легенды) литературоведение изучает с целью воссоздания той креативной атмосферы, которая побудила автора к написанию того или иного произведения. «Своим стараниям поэт предпосылал не реальную — послужную свою биографию, а свою идеальную биографическую легенду. Для историка литературы только она и важна для воссоздания той психологической среды, которая окружала эти произведения, и она необходима постольку, поскольку в самом произведении заключены намеки на эти биографически-реальные или легендарные, безразлично — факты его жизни» [2. С. 6].

Как отмечает Д.М. Магомедова, источниками авторской легенды могут выступать квазибиографические данные: исповеди, признания, дневники, записки,

намеки, реплики, рассказы, слухи, часто отмеченные в сознании современников [3].

Такой автомодификации подверглась и творческая биография Ю. Домбровского. Существует несколько хронологических версий его рождения. Еще одна значимая деталь — попытка Домбровского реэтимологизировать свою фамилию. В ней писатель утверждает собственное цыганское происхождение (современники Домбровского, однако, считают это одной из мистификаций художника).

По версии Домбровского, его дедом был цыганский «баро» Домбровир, чей табор кочевал между Польшей и Литвой. Лихой цыган, конокрад и свободолюбец, Домбровир присоединился к польскому национально-освободительному восстанию 1863 г., чтобы выгодно продавать повстанцам лошадей. После подавления восстания его вместе с тысячами других партизан отправили в Сибирь. Поляки приняли Домбровира как своего и дали его детям возможность получить образование. Как пишет Б.У. Джолдасбекова, «Большинство исследователей не исключают, что это миф: Домбровский нередко любил приукрасить свою и без того яркую и драматичную биографию различными легендами... Но известно, что в быту он был действительно безалаберен по-цыгански. Хотя, возможно, безытность и бездомность Домбровского — вплоть до старости — объяснялись в основном его непростой судьбой» [4. С. 80].

Цыганский мотив в русской литературе

Если за «точку отсчета» мы примем факт полной или частичной мифологизации биографии, то нам откроется ряд неслучайных, крайне важных смыслов. Первый из них зашифрован в концепте «цыган». Это не просто регулятивный концепт: его транслятивная сила настолько велика, что по своим функциям он приближен к архетипу. Цыганам в русской литературе отведена особая роль. Со времен проникновенных лирических посвящений Языкова, стихотворений Ап. Григорьева, южных поэм Пушкина, неоромантических образов Горького, произведений Блока *цыганы* трансформировались в символ стихийной и вольной жизни, *свободы*.

Цыгане — субэтнос, не имеющий четкого ареала обитания. Это «граждане» мира, не признающие конвенциональных барьеров общества. В мировой литературе за цыганами закреплены не только отрицательные (воровство, конокрадство, беспутность), но и положительные коннотации: естественность, стихийность, мощное творческое начало (образы Цыганочки М. Сервантеса, Эсмеральды в «Соборе Парижской Богоматери» В. Гюго, Консуэло в одноименном произведении Ж. Санд), свободолюбие, «жизнь сердца» («Цыганы» А. Пушкина, «Очарованный странник» Н. Лескова, «Олеся» и «Фараоново племя» А. Куприна).

Бродячестъ цыган, их вневременная экзотичность, обусловленная существованием в ритуально-игровом дискурсе, закрепляет за ними статус «иных». В архетипическом прочтении «другой» — это элемент бинарной оппозиции «свой vs чужой», где чужой враждебен своему в силу частичной или полной непознанности. Чужому не важны принятые в обществе скрипты (предписания), потому что он — носитель других ментальных установок, а значит, он не может быть ограничен «системным» мировосприятием. Неслучайно цыганский мотив — один из

константных в русской литературе. Например, образ цыганки — частотный вариант «экзотической возлюбленной».

В цыганах сильно развито креативное начало. Нередко оно воплощено в музыкальной стихии и коррелирует с двумя концептами — «скрипка / скрипач» и «голос». Закономерно, что скрипка и в мировой, и в русской литературе — уже состоявшийся символ творчества и платы за него. Вспомним стихотворение «Сосед» Р.М. Рильке («Или в каждой людской столице / есть такие, кому пора — / скрипки с ними не будь — топиться? / Чем далась мне твоя игра?»). Не менее красноречив образ скрипки, данный в стихотворении Н. Гумилёва («Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка, / Не проси об этом счастье, отравляющем миры, / Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка, / Что такое темный ужас начинателя игры!»). Приведем еще один пример — отрывок из стихотворения М. Цветаевой:

Какой-нибудь предок мой был — скрипач,
Наездник и вор при этом.
Не потому ли мой нрав бродяч
И волосы пахнут ветром?

Не он ли, смуглый, крадет с арбы
Рукой моей — абрикосы,
Виновник страстной моей судьбы,
Курчавый и горбоносый?

Скрипач, наездник, вор — атрибутивы-номинации, благодаря которым «предок» поэта явственно представляется цыганом (дополнительные портретные характеристики — смуглость, курчавость и горбоносость усиливают данное впечатление). Именно цыганским «происхождением» (отметим, что это мифологема) лирическая героиня объясняет «бродячесть» своей природы, некоторую вседозволенность (мотив воровства, кражи абрикоса, сладкого, т.е. запретного, плода), саму свою *страстную* судьбу. Реконструируя образ цыгана на основе приведенного фрагмента, мы приходим к выводу, что ему присущи: бесприютность, бродячесть, «мировое кочевье» (по формулировке, данной М. Цветаевой в другом ее стихотворении); вседозволенность, отказ следовать общепринятым законам (*вор*, *крадет*); страстность природы; музыкальный (поэтический) дар (*скрипач*).

Заключение

Как видим, цыган в русской литературной традиции — образ архетипический; заложенные в нем имплицитные способности сообщить о писателе концептуально важные сведения.

В «мифе» (назовем его так условно) о Домбровире есть еще одна значимая сюжетная линия: участие в восстании против царя и ссылка в Сибирь. Восстание может быть прочитано как неповиновение власти и сложившейся государственной системе (что отличало Домбровского на протяжении всей его жизни). Сибирь — страна «мертвых»: «К XIX столетию Сибирь была не только освоена Российской империей геополитически, но и усвоена русской культурой в качестве некоторого концепта и интенционального объекта. Сибирь с ее каторгами, пере-

сильными тюрьмами, принудительными поселениями и одновременно искателями счастья (переселенцами) в национальном сознании мифологизировалась, стала общепонятным хронотопическим образом определенного присутствия человека в мире» [5. С. 254].

Сибирь — могила заживо погребенных («Во глубине сибирских руд» Пушкина). Одновременно это — богоугодная «страна смерти». См., например, рассуждение протопопа Аввакума:

Ну, слава Христу! Хотя и умрешь после того, ино хорошо, — поскольку такого рода смерть (сибирская) обещает или даже гарантирует воскрешение.

Это место инициации, перехода человека в иное качество (вспомним Раскольникова, девятый месяц отбывающего заключение в сибирском остроге).

Сибирь аккумулирует в себе мотивы испытания, смерти (духовной или физической), перерождения. Таким образом, судьба цыгана Домбровира оказывается насыщенной мифологемами, а сам Домбровский как его потомок продолжает его «линию» — в том числе и линию общественного поведения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010. 351 с.
- [2] Томашевский Б.В. Литература и биография // Книга и революция. 1923. № 4 (28). С. 6—9.
- [3] Магомедова Д.М. «Я один... и разбитое зеркало...»: литературные маски Сергея Есенина (статья первая) // Новый филологический вестник. 2005. №1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ya-odin-i-razbitoe-zerkalo-literaturnye-maski-sergeya-esenina-statya-pervaya> (дата обращения: 01.06.2016).
- [4] Джолдасбекова Б.У., Сарсекеева Н.К. Авторский дискурс Ю.О. Домбровского в контексте современной казахстанской прозы о художнике. Алматы: Издательство Казахского университета, 2013. 210 с.
- [5] Тюпа В.И. Анализ художественного текста. М.: Академия, 2006. 336 с.

ELEMENTS OF BIOGRAPHICAL MYTH YU DOMBROWSKI

Zh.A. Bayanbayeva

Kazakh national university of al-Farabi
Al-Farabi's prospectus, 71, Almaty, Kazakhstan, 050040

Article is devoted to problems of studying of the biographic myth of Yu.O. Dombrovsky. Sources of the biographic myth are specified in article. Biographic implications of works of the Russian writers are investigated, the problem of the cultural self-identification of Yu. Dombrovsky based on understanding of the cultural and genetic accessory by him is analyzed. As evidential base Yu. Dombrovsky's statements about the Gipsy origin are attracted. In article the Gipsy motive is considered as one of constant in the

Russian literature. The conclusion is drawn that the concept of “Roma” in the Russian literary tradition is an image archetypic; the implicatures put in him are capable to report conceptually important data on the writer.

Key words: local text, mythemes, biography, biographic myth, legend, modification, concept of “Roma”

REFERENCES

- [1] Karasik V.L. *Yazukovaya kristallizatsiya smysla* [Language crystallization of sense]. M.: Gnozis, 2010. 351 pages.
- [2] Tomashevsky B.V. *Literatura i biografiya* [Literature and biography]. *Kniga i revolyutsiya* [Book and revolution]. 1923. No. 4 (28). Page 6–9.
- [3] Magomedova D.M. «Ya odin... i razbitoe zerkalo»: literaturnye maski Sergeya Esenina (statya pervaya) [“I alone... and the broken mirror...”: literary masks of Sergey Yesenin (article first). *Novyi filologicheskiy vestnik* [New philological bulletin]. 2005. No. 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ya-odin-i-razbitoe-zerkalo-literaturnye-maski-sergeya-esenina-statya-pervaya> (date of the address: 6/1/2016).
- [4] Dzholdasbekova B.U., Sarsekeeva N.K. *Avtorskiy diskurs Yu.O. Dombrovskogo v kontekste sovremennoi kazakhstanskoi prozy o khudozhnike* [Yu.O. Dombrovsky’s discourse in the context of modern Kazakhstan prose about the artist]. Almaty: Publishing house of the Kazakh university, 2013. 210 pages.
- [5] Tyupa V.I. *Analiz khudozhestvennogo teksta* [Analysis of the art text]. M.: Akademiya, 2006. 336 pages.